

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕТРА НА ЗАПАД (1716–1717) И ЕГО ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА

Царь выехал из Петербурга 7 февраля 1716 г. Заглянул по семейным делам в Данциг (Гданьск), провел три недели на водах в Бад-Пирмонте, побывал в Мекленбурге и Ростоке, после чего направился в Копенгаген. 17 июля он прибыл со своим флотом в датскую столицу. Идея была — разбить Карла XII на его собственной территории, напав на Швецию соединенными силами России, Дании и Англии. В сентябре этот план был отменен, но Петр остался в Дании. Там он решил не возвращаться пока домой, а повидать во второй раз Голландию.

Покинув Копенгаген 27 октября, он двинулся в Голландию с остановками в Любеке, Травемюнде, Шверине, Гамбурге и Бремене. В конце ноября в Хафельберге состоялась его встреча с королем прусским, с которым царь заключил союз. 11 декабря русский государь пересек голландскую границу, а затем проследовал через Девентер, Амерсфорт, Апелдорн и Нарден. 17-го он въехал в Амстердам. В конце декабря Петр заболел и вынужден был неделями оставаться в постели. Тем временем шел интенсивный дипломатический диалог, вельможи и дипломатов принимали прямо в спальне. Три месяца, до середины марта 1717 г., царь находился в Амстердаме.

Между тем 13 января в немецком городке Везель у голландской границы царица Екатерина, вторая жена Петра, родила ему сына, но, не прожив и двух дней, ребенок умер. Оправившись от родов, Екатерина 13 февраля присоединилась к мужу в Амстердаме. 5 и 9 марта они вместе посетили Зандам. 10-го были в Утрехте, 18–19 марта в Гааге, 21-го в Схевенингене, на следующий день в Делфте, 28-го в Лейдене и 30-го в Роттердаме. 4 апреля царь с царицей продолжили поездку в Дордрехт, 8–9 апреля побывали во Флиссингене и Мидделбюрге, а оттуда путь Петра лежал во Францию — через тогдашние Южные (Австрийские) Нидерланды, т.е. через территорию нынешней Бельгии.

После остановок в городах Антверпен, Брюссель, Гент, Брюгге, Остенде, Ниупорт и Вёрне он ступил наконец на землю Франции. В Дюнкерке его ждал французский эскорт. До 4 мая властитель

России оставался в Кале, а 7-го добрался до Парижа, где задержался до 20 июня. На обратном пути миновал Реймс, затем спустился по реке Маас в Динан, Намюр и Льеж. Здесь путешествие по воде закончилось, и Петр в карете поехал к минеральному источнику в Спа. Там дошло до него ужасное известие о том, что его сын Алексей скрывается в Австрии. К императорскому двору в Вену были направлены двое послов с требованием выдать царевича.

24 июля русский государь покинул курорт и двинулся в Ахен, где провел два дня. 27-го он прибыл в Маастрихт, а оттуда отплыл на яхте через Неймеген и Дордрехт в Амстердам. Туда он явился 2 августа, и там его ждала Екатерина, которая с ним во Францию не ездила. В августе царь посетил Хорн, Тексел, Апелдорн и Хардервейк и в последний раз побывал в Зандаме. 2 сентября он отбыл из Амстердама, проследовал через Харлем, Берген-оп-Зом и Неймеген и 11-го пересек границу с Пруссией. Оставив позади себя Эрфурт, Бранденбург и Шпандау, Петр достиг Берлина. После пребывания там (19–25 сентября), он с 29 сентября по 2 октября находился в Данциге. Через Мемель (ныне Клайпеда), Митаву (Елгава), Ригу и Нарву вернулся 20 октября 1717 г. в Петербург.

Отсутствовал царь в общей сложности полтора года. Это было второе большое его путешествие, оно же и последнее: больше он уже свою страну не покидал.

Напрашиваются сравнения со знаменитой первой поездкой, с тем эпизодом «Великого посольства» 1697–1698 гг., когда Петр впервые повидал Голландию. Целью той первой поездки был поиск союзников против турок, но ничего не получилось. Другой целью было ознакомиться с Западом и побудить своих соотечественников сделать то же самое. В конце XVII в. у России еще нигде не было постоянных дипломатических представителей, иностранные газеты давали лишь отрывочную картину происходившего в Западной Европе, а бывая в московской Немецкой слободе, Петр составить себе четкое и конкретное представление о Западе не мог. Первое путешествие стало для 25-летнего любознательного монарха интересной школой как в области техники (он научился строить корабли), так и в сфере политики. В Гааге, в то время центре международных отношений, он изучал сложное фехтовальное искусство дипломатии. Примечательно, что Петр посетил тогда не абсолютистскую Францию, а такие передовые «буржуазные» страны, как Голландия и Англия, богатые и мореходные. Быть может, и само «Великое посольство» было всего лишь предлогом для того, чтобы собственными глазами увидеть Запад и, как считают некоторые, собрать там разные тайные сведения.

В ходе первой поездки царь мог убедиться в превосходстве Запада и окончательно решил модернизовать свою страну. Когда

Петр Первый.
Гравюра *Степана Коровина* (XVIII век)

в 1697-м он явился в Голландию, он был там еще неизвестен: почти все над ним иронизировали или смотрели на него свысока. Двадцать лет спустя, в 1717 г., все было иначе: Петр приехал не плотником, не учеником, а героем Полтавы. Государство, над которым властвовал победитель могущественного шведского короля, простирало свое влияние на всю Балтику, на Польшу, на северогерманские земли, было коренным образом преобразовано, обзавелось новой столицей. Запад больше не мог и не хотел относиться

*В. Чеснок. Как голландцы царю Петру флот помогли построить.
(Таганрог, 2001, рисунки М. Макаровой)*

к Петру как к наивному, неопытному, малосведущему «князю Московии». Хотя он уже сделал свою Россию сильной морской державой, он по-прежнему интересовался кораблями, мореходным делом, наукой и техникой; он был все так же любознателен и предприимчив, как и раньше. И, как и в 1697-м, пренебрегал протоколом, что доставляло принимавшей его чопорной западной элите немало головной боли.

Второе путешествие было затеяно для того, чтобы найти союзника, с помощью которого царь смог бы закончить Северную войну, разорившую его страну. Теперь он уже не ограничился посещением протестантских государств, а хотел ознакомиться с Францией, классической абсолютной монархией и в течение долгих десятилетий державой могущественной. Петр надеялся убедить французов прекратить финансовую поддержку Швеции и стать союзниками России. Этот план возник, вероятно, во время крупных морских маневров в Дании осенью 1716 г. или в ходе визита к прусскому

королю в ноябре. Поездка в Австрийские Нидерланды была, таким образом, связана просто с необходимостью попасть из Голландии во Францию. Чтобы не осложнять свои дружественные отношения с Австрией, Петр держал план франко-русского союза в секрете. Все должно было выглядеть так, словно он только в последний момент решил побывать во Франции. Власти Австрийских Нидерландов полагали, что на французской земле гость хочет разве что осмотреть близ Дюнкерка, на Мардикском канале, новые шлюзы (построенные Лю-

Петр I — победитель шведов.
Первая четверть XVIII века
(Российский этнографический музей)

довиком XIV после Утрехтского мира 1713 г., когда ему пришлось отказаться от порта в Дюнкерке), и не были уверены, продолжит ли он затем свой путь дальше в Париж. Но и в самой Франции цель путешествия оставалась тайной.

Переговоры в Париже (7 мая—20 июня 1717 г.) вели самые опытные царские дипломаты барон Петр Шафиров (1673—1739) и князь Борис Куракин (1676—1727). В августе того же года в Амстердаме

между Россией, Францией и Пруссией был заключен договор о сотрудничестве. Все стороны были удовлетворены, однако на практике результат оказался незначительным. Война со Швецией завершилась лишь в 1721 г. Важнее, впрочем, было то, что благодаря второму путешествию Петра Россия в еще большей степени, чем прежде, сделалась частью европейской системы международных связей.

Как и в первую свою поездку, царь набирал к себе на службу всякого рода специалистов, и не только судостроителей или инженеров, а и архитекторов, живописцев, скульпторов, ковроткачей, мебельщиков, ювелиров, ученых... Если первая волна иммигрантов из Западной Европы превратила Россию в морскую державу, то вторая способствовала проникновению в страну западного искусства. В 1717 г. поступили на русскую службу Растрелли и Леблон; за границу для изучения европейской живописи послали Никитина; в Россию привезли Янтарную комнату, были куплены рисунки Марии Сибиллы Мериан, а петербургские дворцы украсились многочисленными произведениями голландских и фламандских художников. Петр и Екатерина заказали свои портреты. К возвращению Его Величества из второй поездки его собрание живописи насчитывало около 300 работ. Немецкая газета «*Oйропейше Фама*» в 1718 г. описала цель этой поездки так: «Научиться у всех народов искусствам, открыть выгоды от них, перенять их в собственных землях и тем поставить себя в такое положение, дабы без всякой помощи и привоза из заграничных государств можно было обходиться». А также: «Возвысить свою державу, обеспечить границы, постоянно держать вооруженное войско, улучшить коммерцию и тем самым все то совершить, что монарха великим, страну же его счастливой может сделать»¹.

Возвращаясь во второй раз из-за рубежа, Петр был озабочен: война со Швецией затягивалась, сам он, несмотря на договор с Францией, оставался на международной арене в одиночестве, отношениям с Великобританией был нанесен ущерб, дружба с Голландией отошла в прошлое, а другой его друг, император Священной Римской империи, укрывал беглого царевича Алексея. Как и первое путешествие, второе кончилось катастрофой. Первое пришлось прервать из-за бунта в Москве, второе же было омрачено разрывом между отцом и сыном, и завершиться этому конфликту предстояло трагически. Царь сознавал, что на западноевропейскую дипломатию с ее переплетением эгоистических интересов он рассчитывать не может, а должен добиться перемирия со своим шведским противником путем прямых двусторонних переговоров. Больше Петр на Запад уже не поедет.

А как относилась к России во время визита царя Республика Соединенных Провинций? Генеральные штаты опасались слишком большого русского влияния на Балтике (*dominium maris Balthici*),

особенно после того, как «Московия» стала морской державой и сама строила корабли. Поэтому такого приверженца России и ее «лоббиста»², как бургомистр Амстердама Витсен, в его собственной стране воспринимали, по словам тогдашнего царского посла Матвеева, с подозрением. Купец Кристоффель Брантс, поставлявший русским оружие, посещал Матвеева тайком и чуть не погиб от руки шведов. Когда Петр задумал предложить Генеральным штатам принять на обучение 4000 матросов из Архангельска, Матвеев заметил, что «им [голландцам] то дело не надобно, чтобы наш народ морской науке обучен был». По словам посла, ни Голландия, ни Англия не были заинтересованы в том, чтобы помочь России заключить выгодный мир со Швецией, «чего неусыпно остерегаются, трепещут великой силы вашей не меньше как и Француза»³.

В июне 1713 г. у Гельсингфорса (Хельсинки) пять голландских торговых судов были уничтожены русским флотом. Царь в конце концов свою вину признал, однако возмещение убытков затянулось на долгие годы. Кроме того, с того же года по указу Петра ввоз иностранных товаров должен был производиться главным образом через Петербург: в новом порту ввозные пошлины были снижены наполовину, а в старом, Архангельске, увеличены вдвое. Голландские купцы пришли в ярость, видя, что они теряют то господствующее положение, какое они занимали в Архангельске. К тому же торговля через петербургский порт была опаснее — из-за шведских пиратов на Балтике. Заключению торгового договора препятствовало также желание царя взимать на ввоз и на вывоз высокие пошлины: то было самым легким средством пополнить российскую казну и защитить собственный рынок. Летом 1716 г. голландское судно с железом и лесом было задержано русским военно-морским конвоем, а в августе пришло сообщение, что губернатор новой российской столицы светлейший князь А.Д. Меншиков нагло потребовал от купцов из Голландии платить еще сверх установленных пошлин.

Республика начала бояться растущей мощи Петра. В купеческих кругах самодержец, мешавший свободе торговли на Балтийском море, вызывал мало симпатий⁴. Русская армия завладела почти всеми шведскими портами на восточном побережье Балтики: Ригой, Ревелем (ныне Таллин), Нарвой. В Петербурге взяточник Меншиков обложил голландских купцов произвольными поборами и обращался с ними неслыханно грубо. И когда царь во второй раз прибыл в Голландию, он стал добиваться от Генеральных штатов большего, чем они готовы были ему дать. Речь шла о признании его власти над всеми захваченными им шведскими владениями еще до заключения мира со Швецией. Так далеко заходить в Гааге, разумеется, не желали. Русский посол в Голландии Борис Куракин предложил сделку: в обмен на признание Генеральными штатами завое-

ваний Петра на Балтике все вопросы, связанные с торговлей (читай: произвол и помехи), будут немедленно устранены⁵.

Шведский дипломат Йоаким Фредерик Прейс (1667—1759) доносил из Гааги в Стокгольм: «Ежедневно ожидают сюда Царя. Посольство известило о том Генеральные Штаты. Прибытию Царя, как говорят, не совсем то рады, потому что его честование потребует больших издержек. Недовольны здесь также и тем, что он, по словам Посланника, сам намерен приглашать к себе на службу Офицеров и хлопотать в Амстердаме о заключении займа в 2 миллиона, под залог товаров, находящихся в Русских портах в Ливонии⁶. О займе шли переговоры, под рукою, уже с прошлаго Апреля, но не имели успеха, по недоверию к верности ипотеки. В 3-х, намерен Царь просить Амстердамский Магистрат разрешить свободное отправление Русскаго богослужения, обещая сделать то же самое для последователей Реформатской Церкви в Петербурге. Поручил довести до сведения Генер. Штатов о своем желании сохранить инкогнито, в следствии чего они справлялись, как следует им держать себе относительно его особы. Утверждают, что его последнее инкогнито было довольно убыточно для Республики»⁷.

Пребывание Петра в Голландии в 1716—1717 гг. проходило при не самых веселых обстоятельствах. Государь заболел и вынужден был много времени провести в постели. Его новорожденный сын умер, а законный наследник царевич Алексей от отца сбежал⁸. Политические же дела царя за границей шли не так гладко, как ожидалось. Отношения с союзниками, прежде всего с Данией, были напряженными: Петр не скрывал своего раздражения датчанами, отказавшимися участвовать во вторжении в Швецию. Он торопился принудить шведского короля к миру: война мешала внутренним реформам в России (на очереди было создание коллегий), для которых

Кафе «Царь Петр» в Амстердаме.
Открытка начала XX века

нужны были опытные иностранные специалисты. Здоровье Петра Алексеевича ухудшалось. Экономика страны тоже была далеко не в цветущем состоянии из-за разорительной войны и мобилизации населения на строительство новой столицы, флота, каналов, фабрик...

Единственным утешением оставались дружественные связи с Пруссией. Перед приездом в Голландию Петр заключил в Хафельберге с королем Фридрихом-Вильгельмом I союз, вызвавший у всех западных государств настороженность⁹. Находившемуся в тот момент в Пруссии британскому дипломату барону Чарльзу Витворту (1675—1725) пришлось доложить своему монарху, Георгу I, что удержать Пруссию от договора с Россией британцам не удастся, ведь в Пруссии царя считают «душой Северной войны»¹⁰.

Дипломат шведского короля в Голландии барон Георг Хайнрих Гёртц (1668—1719) летом 1716-го обратился к французскому послу в Гааге маркизу Пьеру-Антуану де Шатонёфу (1644—1728) с просьбой, чтобы Франция выступила посредницей в мирных переговорах России со Швецией¹¹. Хорошо информированная британская дипломатия об этих планах знала и пыталась удержать французского короля от всякого содействия русским. Понятно, что такая антироссийская позиция Великобритании побуждала Петра установить более тесные отношения с Францией.

Британский посол доносил из Гааги в Лондон о взглядах Антони Хейнсийуса, фактически управлявшего тогда Голландией: «Он очень озабочен известием о желании царя посетить Берлин, ибо полагает, что такое сближение этого монарха с королем Пруссии не принесет в политике ничего доброго и необходимо всеми средствами удержать короля от принятия на себя этих обязательств и от того, чтобы он бросился целиком в объятия Франции»¹². Хейнсийуса, который и по политическим, и по религиозно-культурным мотивам всегда был противником Франции, планы царя не могли не беспокоить.

Отношения России с Великобританией были омрачены также открытием возможного заговора якобитов, сторонников претендента на английский престол Якова III Стюарта, против нового короля Георга I из Ганноверской династии. Главным заговорщиком считался Джон Эрскин, старший брат личного врача Петра, шотландца. Отсюда следовало предположение, что и царь через своего лейб-медика знал об этих планах. Связь доктора Роберта Эрскина (1677—1718) с заговорщиками оспаривать трудно¹³, доказательств же вовлеченности самого Петра не было и нет. Тем не менее, Георг I, находясь в январе 1717 г. в Голландии, встретиться с русским государем отказался. В прессе историю с заговором расписывали на все лады, и Петру ничего не оставалось, как через своего представителя в Лондоне Федора Веселовского заверять английс-

кого монарха в своей непричастности. «Его Царское Величество, — написал королю Веселовский, — никогда и в мыслях не имел как-либо благоприятствовать претенденту и ему открыто или тайно помогать в его замыслах к невыгоде Вашего Королевского Величества»¹⁴. Георг I эти заверения принял.

Еще в первую свою поездку за границу в 1697–1698 гг. Петр выразил желание посетить Францию, но Людовик XIV об этом и слышать не хотел. Враги России турки были одновременно друзьями Франции; и взятие Азова (1696), и растущее русское влияние в Польше французам было не по душе, а сам «король-солнце» смотрел на «князя Московии» с пренебрежением¹⁵. Только после смерти Людовика XIV в 1715 г. русско-французские отношения потеплели. Теперь Париж готов был принять властителя России, и тот надеялся, что Франция прекратит поддерживать Швецию и признает русские завоевания на Балтике. Помимо этого, Петр задумал выдать свою дочь Елизавету за юного Людовика XV.

Есть мнение, что в путешествии царя в 1717 г. во Францию культурные аспекты играли куда большую роль, чем дипломатические. Тайный агент Испании маркиз де Гримальдо, которому было поручено следить за каждым шагом Петра в Париже, писал: «Судя по интересу, с каким он изучает все относящееся к математической науке, механике и технике, и даже к изящным искусствам, думаю, что ближайшее знакомство с ними, дабы пересадить это все в свое собственное отечество, есть важнейшая, если не единственная цель его поездки». Маркиз был уверен: наиболее очевидная причина визита — «чистое любопытство»¹⁶. В том же убежден и издатель переписки братьев Олсуфьевых, сопровождавших Петра во Францию: «Слава гениального преобразователя России слишком велика, его значение во всемирной истории всеми, даже врагами, так безусловно признано, что они никак не потеряют своего обаяния, ежели даже допустить предположение, что в глазах Петра Великого, как бы предугадавшего воззрение почти всех последовавших за ним в Париже Россиян, город этот был прежде всего столицей утех и забав»¹⁷.

Напротив, по мнению советского историка С.А. Фейгиной, главной целью поездки были именно дипломатические переговоры¹⁸. Вывод: «Итог этой кропотливой работы заставляет нас отвергнуть версию, прочно укрепившуюся в ученой литературе, согласно которой Петра I интересовала в Париже возможность привлечь оттуда ученых, художников и мастеров, приобрести там картины, статуи и всевозможные технические приборы. Это было не целью его поездки, а только привходящим, хотя и очень заметным моментом в ней. Цель же Петра I, когда он ехал в Париж, заключалась в сближении с версальским двором для ослабления антирусской направленнос-

ти нового франко-англо-голландского союза и для лишения Швеции той политической и финансовой поддержки, которую она систематически получала от Франции»¹⁹.

Не забудем, что цель визита держали в строжайшей тайне. Даже представитель французского двора, которому предстояло встретить русского государя в Дюнкерке, был совершенно не в курсе его намерений²⁰. Русский агент в Голландии Йоханнес ван ден Бюрг сообщил ведавшему внешней политикой России и сопровождавшему Петра в поездке канцлеру графу Гавриилу Головкину (1660—1734), что посол Франции в Гааге обо всех переговорах молчит и только хлопочет перед Генеральными штатами в пользу Швеции²¹. Основательно изучив все обстоятельства дела и всю дошедшую до наших дней дипломатическую корреспонденцию, историк Фейгина пришла к заключению, что план посетить Париж созрел у Петра еще до прибытия в Голландию, скорее всего — после встречи с королем Пруссии, хотя окончательного решения царь тогда еще не принял²².

Договор с Фридрихом-Вильгельмом I означал, что над Пруссией нависла тень России, и французов это отнюдь не радовало. Так что Франции самой было выгодно сблизиться с возмужавшей далекой державой, чтобы сохранить хоть какое-нибудь влияние на «Севере». На исходе 1716 г. Париж предложил тройственный союз Франции, России и Пруссии. Переговоры велись совершенно секретно, причем инициатива исходила от французов²³. Их дипломаты готовы были выступить посредниками между Швецией и ее противниками. Французский посол в Гааге маркиз де Шатонёф получил инструкции, как вести себя по отношению к приехавшим русским: «ни в какое соглашение, со своей стороны, не вступать» и «переговоры затягивать»²⁴. Подчеркивалось, что он должен действовать крайне осторожно, дабы о переговорах с царем не проводали британцы²⁵ и незадолго до этого установленная дружба Парижа с Лондоном не пострадала. И все же британская корона внимательно следила за тайными беседами²⁶, которые вели с французами Шафиров и Куракин, пока их государь осматривал парижские достопримечательности и посещал местных знаменитостей.

Беспокойство по поводу слишком хороших отношений России с Пруссией испытывали и в Вене. Голландский посланник при императорском дворе Хамел Брёйнинкс доносил 26 мая 1717 г.: «Путешествие царя во Францию <...>, новые связи между Его Царским Величеством и королем Пруссии <...>, слух о том, что царь мог бы совершить поездку туда [во Францию], и уменьшение доверия и согласия между этими двумя монархами и королем Великобритании, как здесь заметили, возбуждают при этом [т.е. австрийском] дворе изрядное удивление и немало недовольства и недоверия в отношении царя и короля прусского»²⁷.

В Брюсселе полагали, как уже говорилось, что мысль о визите во Францию пришла Петру в голову только при посещении Южных (Австрийских) Нидерландов. А во Франции его будет интересовать разве что осмотр Мардикских шлюзов. С императором Священной империи Карлом VI, которому принадлежали с 1713 г. Южные Нидерланды, царя связывали узы династические и дружеские, поэтому в ходе его путешествия по этим землям от местных властей и от венского двора дальнейший маршрут Петра тщательно скрывали. Вот почему брюссельская газета *«Меркюр историк э политик»*, поведав читателям о том, как высокий гость отбыл 18 апреля из Брюсселя, добавила: «...направляясь в Гент, Брюгге, Дюнкерк и проч., откуда Его Царское Величество, как утверждают одни, поедет во Францию, а по мнению других, на воды в Ахен»²⁸.

Мы уже знаем, что в Париже Петр пробыл с 7 мая по 20 июня 1717 г. В конце XVIII в. русский историк Голиков написал об этом так: «Монарх пробыл в Париже 43 дни, в которые больше осмотрел и заметил, нежели другие могли б сделать в год»²⁹. В Париже великолепие классицизма вдохновило прославленного реформатора на создание новых дворцов и парков Петербурга. В отношениях России и Франции этот визит стал поворотной точкой. Пока царь осматривал столицу королевства, его дипломаты в глубокой тайне обсуждали будущий договор между двумя странами. После этого, укрепив здоровье на водах в Спа, Петр Алексеевич вернулся в Голландию, где 15 августа был заключен, как мы помним, договор между Россией, Францией и Пруссией. Большинство историков сходятся на том, что на практике это соглашение мало что изменило, но все же явилось определенной исторической вехой: Франция обещала прекратить финансовую поддержку Швеции (что и произошло в 1718-м), а Россия сделалась полноценным участником европейской дипломатической игры.

Через год после сложных интриг с участием Гааги, Парижа и Лондона Швеция начала с Россией прямые двусторонние переговоры о мире. 31 декабря 1717 г. выходившая в Австрийских Нидерландах газета «Антверпсе Пост-Тейдингс» сообщила: «Берлин, 27 декабря. Здесь получены достоверные сведения, что между королем шведским и царем Великой России — доброе согласие, и это вызывает при различных дворах большую озабоченность и подозрительность»³⁰. Некоторые государства явно опасались изменения политического равновесия — в пользу России. В 1721 г. Ништадтский мир положит конец Северной войне, и оба противника смогут наконец вздохнуть свободнее.

Примечания

1. Europäische Fama, 1718. S. 261.
2. Это выражение использовал Игорь Владимирофф (*Wladimiroff I. De kaart van een verzwegen vriendschap*. P. 143).
3. Цит. по: *Брикнер А.* Путешествия Петра Великого за границу. С. 620–621.
4. 23 марта 1717 г. голландские купцы обсуждали все свои жалобы, связанные с торговлей на Балтике и в «Московии», с российскими дипломатами (Stadsarchief Amsterdam. Nr 5029. Deel 149. Archief van de burgemeesters: missiven en notulen van gedeputeerden ter dagvaart. 23 maart 1717). Дипломаты согласились донести обо всем своему государю. О том, что переговоры эти были плодотворными, свидетельствует принятое купцами два дня спустя решение «поднести презент царице» и основать в интересах торговли с Россией особый фонд, для которого было предложено взимать «маленький сбор с товаров, идущих в Московию или приходящих из нее» (Ibid., 25 марта 1717).
5. *Koningsbrugge van J.S.A.M. Tussen Rijswijk en Utrecht*.
6. После того как Республика Соединенных Провинций отказала Петру в кредите, он занимал деньги у частных лиц под залог товаров. Голландский посол в Дании Роберт Гус (1652/1653–1724) сообщил об этом из Копенгагена фактическому правителю Голландии, великому пенсионарию Антони Хейнсиусу: «Здесь говорят, что царь у частных лиц нашел 4 миллиона под залог товаров, которые он согласился упомянутым частным лицам поставить по Балтийскому морю» (De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 167).
7. *Прейс [И.Ф.]* Извлечение из донесений. С. 1.
8. Голландский посол в Копенгагене Роберт Гус написал 16 февраля 1717 г. Хейнсиусу даже о «восстании царевича против царя» (De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 165), а голландский резидент в Петербурге Якоб де Би (1681–1719), никогда не упускавший случая критически отозваться о Петре, 22 марта доносил: «В этом народе [в России] можно обычно заметить некоторое удовлетворение от поступивших новостей о благополучии Его Высочества царевича» (Ibid. P. 197).
9. Роберт Гус 2 января 1717 г. из Копенгагена: «Похоже, что прусский король пребывает в полном согласии с царем» и «какую ревность может возбудить этот монарх у Ганноверского дома» (Ibid. P. 128), т.е. у английского короля. Именно во время визита Петра к прусскому королю тот подарил своему гостю знаменитую Янтарную комнату, которую называли восьмым чудом света и которая ныне воссоздана в Царскосельском дворце. См.: Das neue Bernsteinzimmer.
10. *Фейгина С.А.* Аландский конгресс. С. 109.
11. Там же. С. 118.
12. National Archives (Kew Gardens). State Papers. Foreign. Holland 1560–1780. SP 84. Fol. 92.
13. См. об этом: *Wills R.* The Jacobites and Russia; *Collist R.* The Petrine instauration. P. 124–134.

14. *Europische Mercurius. Behelzende De Voornaamste zaken van Staat en Oorlog, voorgevallen in alle de Koningryken en Heerschappyen van Europa; benevens eenige meldenswaardige tydingen uit verscheide Deelen der Waereld, 1717.* P. 187.
15. *Мезин С.А.* Взгляд из России. С. 21–22.
16. Цит. по: *Ковалевский М.* Новые данные. С. 111–112.
17. Братья Олсуфьевы. С. 32.
18. *Фейгина С.А.* Аландский конгресс. Гл. III.
19. Там же. С. 199.
20. Там же. С. 129.
21. РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1716 г. Д. 7. Л. 116.
22. *Фейгина С.А.* Аландский конгресс. С. 121.
23. Там же. С. 123.
24. *Ministère des Affaires étrangères et européennes. Archives (Paris). Correspondance politique. Hollande 1716–1717. Vol. 313. Fol. 100.*
25. 27 апреля 1717 г. Хейнсийс попросил голландского посла в Лондоне сообщить ему, что он думает о «делах на Севере, ведь мы получаем об этом мало сведений». Далее Хейнсийс спрашивал посла, «нет ли каких-нибудь подозрений в отношении поездки царя во Францию, будь то насчет заключения союза или чего-либо иного» (*De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 226–227*).
26. *Guichen de E.* Pierre le Grand et le premier traité franco-russe. P. 148, 158.
27. *Antal von G., De Pater J.C.H.* Weensche gezantschapsberichten. Deel II. P. 667–668.
28. *Mercure historique et politique.* Avril 1717. P. 478–479.
29. *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого... Т. V. С. 318.
30. *Antwerpse Post-Tijdinghe,* 31 декабря 1717.